

— Жена... где это мы?

Голос Бай Мяня был тонким, с легкой хрипотцой после слез. Он огляделся: голые серые стены казались живыми — они впитывали весь свет, а затем выплевывали его обратно, порождая давящее, неопишное чувство тоски.

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Она смотрела на него, и взгляд ее был глубок и непостижим.

— Раздевайся.

Бай Мянь замер.

— О-одежду?

— Раздевайся.

Лицо Бай Мяня то бледнело, то алело, и его дрожащие пальцы потянулись к завязкам.

Одежда и так была порвана. Ее разорвали еще в переулке, ворот треснул, и ткань неровными клочьями висела на теле. Стоило ему потянуть, как наряд распался окончательно, соскользнул с плеч и упал к ногам.

На нем остался лишь крошечный доудо из тонкой белой ткани, прикрывавший грудь, но не более того.

Свет пал на его тело.

Тощие плечи, хрупкие ключицы и сияющая белизна кожи. Вот только эту белизну пересекали несколько красных полос — следы от пальцев тех троих. Они алели на его руках, на шее, под ключицами — одна за другой, они выглядели пугающе.

Бо Цинъянь подошла и подняла какой-то предмет.

Бай Мянь увидел его.

Тонкая длинная деревянная щепка, длиннее его ладони, похожая на... похожая на линейку.

— Нагнись.

Бай Мян timer замер, глядя на палочку в ее руке, и лицо его побелело как полотно.

— Ж-жена...

— Нагнись.

Бай Мян timer прикусил губу. Медленно развернувшись лицом к стене, он уперся в холодный камень обеими руками и замер в нужной позе.

Каменная стена была ледяной. Холод проникал сквозь ладони, поднимаясь вверх по рукам. Опустив голову, он видел только собственные носки и кучу одежды у ног.

Позади слышались шаги.

Бо Цинъянь подошла к нему сзади и остановилась.

Бай Мян timer закрыл глаза.

Хлесь.

Деревянная пластина опустилась на его спину.

Звук эхом прокатился по тесной комнате — резкий, словно что-то надломилось.

Бай Мян timer всем телом вздрогнул, закусил губу, но не издал ни звука.

Хлесь. Хлесь. Хлесь.

Удары сыпались один за другим — не тяжелые, но жгучие.

Бай Мян timer прикусывал губы, слезы градом катились вниз, но он не смел пискнуть.

— Кто разрешал тебе сбегать?

Голос Бо Цинъянь раздался из-за спины, холодный, как лед.

Бай Мян timer приоткрыл рот, но не смог выдать ни слова.

Хлесь!

— Говори.

Этот удар пришелся аккурат по прежним красным следам. Бай Мянь судорожно вздрогнул и, всхлипывая, выдавил:

— Я... я услышал, как жена говорит... говорит, что я недостоин...

— И потому ты сбежал?

Бай Мянь сквозь слезы кивнул.

— То, что сказала я — чистая правда.

Бай Мянь остолбенел.

Он обернулся и посмотрел на Бо Цинъянь.

Ее глаза были холодны как лед, в них не читалось никаких эмоций.

— Ты изначально меня недостоин.

Лицо Бай Мяня побледнело, он опустил голову, и слезы хлынули с новой силой.

Но в этот самый момент голос Бо Цинъянь прозвучал вновь.

— Однако...

Эти два слова, упав в тишину, словно чья-то нежная рука, поддержали что-то хрупкое.

Бай Мянь замер.

Он услышал, как Бо Цинъянь сделала паузу, а затем произнесла:

— И что с того?

И что с того?

Бай Мянь не понимал. Он поднял голову и затуманенными слезами глазами посмотрел на нее.

— Разве посторонним судить, достоин меня мой человек или нет?

Бо Цинъянь смотрела на него. Ее взгляд все еще оставался холодным, но слова уже не обжигали холодом.

— Если я говорю, что недостоин — это мое дело. А если кто-то чужой вякнет хоть слово, оно не будет стоить ломаного гроша.

Бай Мянь оцепенел.

Он смотрел на нее, на это холодное лицо, на глубокие глаза, на деревянную пластину в ее руке. Эта палочка еще хранила тепло его спины, но почему-то она больше не казалась ему такой уж страшной.

Он ничего не понимал.

Что вообще имела в виду жена?

Хлесь!

Очередной удар.

Бай Мянь поморщился от боли, но не отпрянул — лишь продолжал тупо смотреть в стену, припав к ней всем телом.

— Ой... н-но жена...

— Но что?

— Жена... разве... разве я не противен вам?

Бо Цинъянь посмотрела на него.

Юноша прижался к стене, вся его спина пестрела красными полосами, проведенными словно кистью. Лицо в разводах слез, глаза распухли и покраснели — жалкое зрелище. Запрокинув голову, он смотрел на нее снизу вверх, и в его глазах читались страх, растерянность и крошечная, робкая надежда.

На что же он надеялся?

Что она скажет, будто не брезгует им?

Бо Цинъянь ничего не ответила.

— Противен.

Лицо Бай Мяня снова побелело.

Родившаяся было надежда завяла, не успев распуститься.

Он опустил голову, слезы вновь грозили хлынуть через край. Но он терпел, изо всех сил сдерживался, добела закусив губы.

— Но и что с того?

Бо Цинъянь подошла и присела перед ним на корточки.

— Если ты противен мне — это мое дело. Разве посторонние смеют брезговать тобой?

Бай Мянь заворуженно смотрел на нее.

— Мой человек, каким бы грязным, ничтожным или недостойным он ни был — он все равно принадлежит мне. Стоит кому-то чужому коснуться его, и я отрублю этому ублюдку руки. Стоит кому-то бросить взгляд, и я вырву им глаза.

Она протянула руку и крепко сжала его подбородок.

Ее пальцы были прохладными, с легкими мозолями. Сжав его подбородок, она заставила юношу поднять голову и встретиться с ней взглядом.

— Понял?

Бай Мянь ошеломленно смотрел на нее.

Ее глаза были так близко, что он видел в них свое отражение: маленькое, глупое, со слезами на щеках.

Он тупо кивнул.

Бо Цинъянь посмотрела на его дурашливый вид и разжала пальцы.

— Пригнись.

Бай Мянь послушно принял прежнюю позу. Лицом к стене, упервшись в нее руками, как и в первый раз.

Деревянная палочка снова опустилась на спину.

Раз, другой.

Но на этот раз Бай Мянь уже не чувствовал боли.

Он знал лишь одно: удары жены, оставлявшие следы на его теле, казались... поцелуями, упавшими прямо на сердце.

Сложно сказать, сколько ударов она нанесла.

Доудо Бай Мяня совсем развязался, ленты давным-давно ослабли, и клочок белой ткани ничего уже не прикрывал. Вся спина была испещрена перекрещивающимися красными полосами, похожими на паутину.

Бо Цинъянь остановилась.

Она оглядела его спину. Кожа сияла белизной, отчего красные следы казались особенно резкими и яркими. Юноша съежился маленьким комочком, плечи его едва заметно дрожали, но он не издал ни звука — ни единого стога.

— Хватит.

Она отбросила палочку в сторону и, протянув руки, подняла его.

Бай Мянь устроился у нее на руках — маленький, весь в красных полосах, со слезами на лице, но уголки его губ были приподняты в улыбке.

— Жена...

— М?

— Жена ведь больше не сердится?

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Юноша смотрел на нее снизу вверх, его глаза покраснели и припухли, но в них сиял живой блеск, словно в ожидании ответа.

Она ничего не ответила. Лишь прижала его к себе чуть крепче.

Подождав немного и не дождавшись ответа, Бай Мянй ничуть не расстроился. Уткнувшись лицом ей в плечо, он пробормотал:

— Лучше не сердитесь на меня, ладно...

Глухой голосок доносился из самого изгиба ее плеча, напоминая мяуканье котенка.

Бо Цинъянь отнесла его в покои.

Она уложила Бай Мянй на кровать. Ложе было мягким, устланным толстыми перинами, и стоило Бай Мяню лечь, как он чуть утонул в них. Он прижался лицом к подушке, выставив напоказ полоску шеи и всю исчерченную красными следами спину.

Повернувшись, она принесла деревянную шкатулку, открыла ее — внутри аккуратным рядом выстроились баночки и склянки.

— Больно?

Бай Мянй покачал головой.

Бо Цинъянь бросила на него мимолетный взгляд и ничего не сказала.

Протянув руку, она принялась аккуратно втирать мазь в красные полосы на его спине.

Мазь приятно холодила, и стоило ей коснуться кожи, как жгучая боль словно потухла от воды, заметно утихнув. Лежа на кровати, Бай Мянй ощущал прикосновения нежных пальцев на своей спине.

Ее движения были невесомы. Гораздо легче, чем он думал. Кончики пальцев, зачерпывая мазь, скользили от одной полоски к другой, точно выписывая какой-то узор.

У Бай Мянй снова защипало в глазах.

— Жена...

— М?

— Вы... вы такие хорошие...

Рука Бо Цинъянь замерла.

— Тебя избили до такого состояния, а ты все равно говоришь, что хорошая?

Бай Мянй покачал головой, утыкаясь лицом в подушку, и глухо произнес:

— Жена побила меня, потому что рассердилась. Рассердилась, потому что я побежал куда глаза глядят. А побежал я... потому что...

Он не смог продолжить.

Бо Цинъянь смотрела на его затылок, уткнувшийся в подушку, и на всю его исхлестанную спину.

Она продолжила смазывать кожу, но теперь движения стали еще осторожнее.

— Ты еще побежишь куда-нибудь в следующий раз?

Бай Мянй замотал головой изо всех сил.

— А будешь слушать всяких посторонних?

Бай Мянй помотал головой.

— А плакать будешь?

Бай Мянй помедлил и тихонько выдавил:

— ...Постараюсь не плакать.

Рука Бо Цинъянь на мгновение замерла.

Мгновение спустя она легко щелкнула его по макушке.

— Дурачок.

Бай Мянй прикрыл затылок рукой и повернул к ней голову.

Юноша лежал на животе, прижавшись щекой к краю подушки. На лице еще виднелись высохшие дорожки от слез. Глаза красные, припухшие, вид такой жалкий-жалкий. И при этом он улыбался.

Улыбался так широко, что уголки глаз изогнулись полумесяцами.

— Жена...

— М?

— Вы только что сказали, что я вам противен...

Бо Цинъянь посмотрела на него.

— Ну и что с того, что противен?

Бай Мянй покачал головой и с улыбкой произнес:

— Ничего. Я просто хотел сказать жене...

Он запнулся, снова зарылся лицом в подушку и пробормотал:

— Ничего страшного, если я вам противен. Я... я обязательно сделаю так, чтобы вы перестали мной брезговать.

Бо Цинъянь молча смотрела на него.

На этот спрятанный в подушку затылок, на его донельзя покрасневшие уши.

Долгое время царила тишина.

Наконец она протянула руку и легко взъерошила его волосы.

— Дурачок.

Бай Мянъ лежал на постели, а уголки его губ расплывались в еще более счастливой улыбке.

<http://bllate.org/book/22395/2350071>